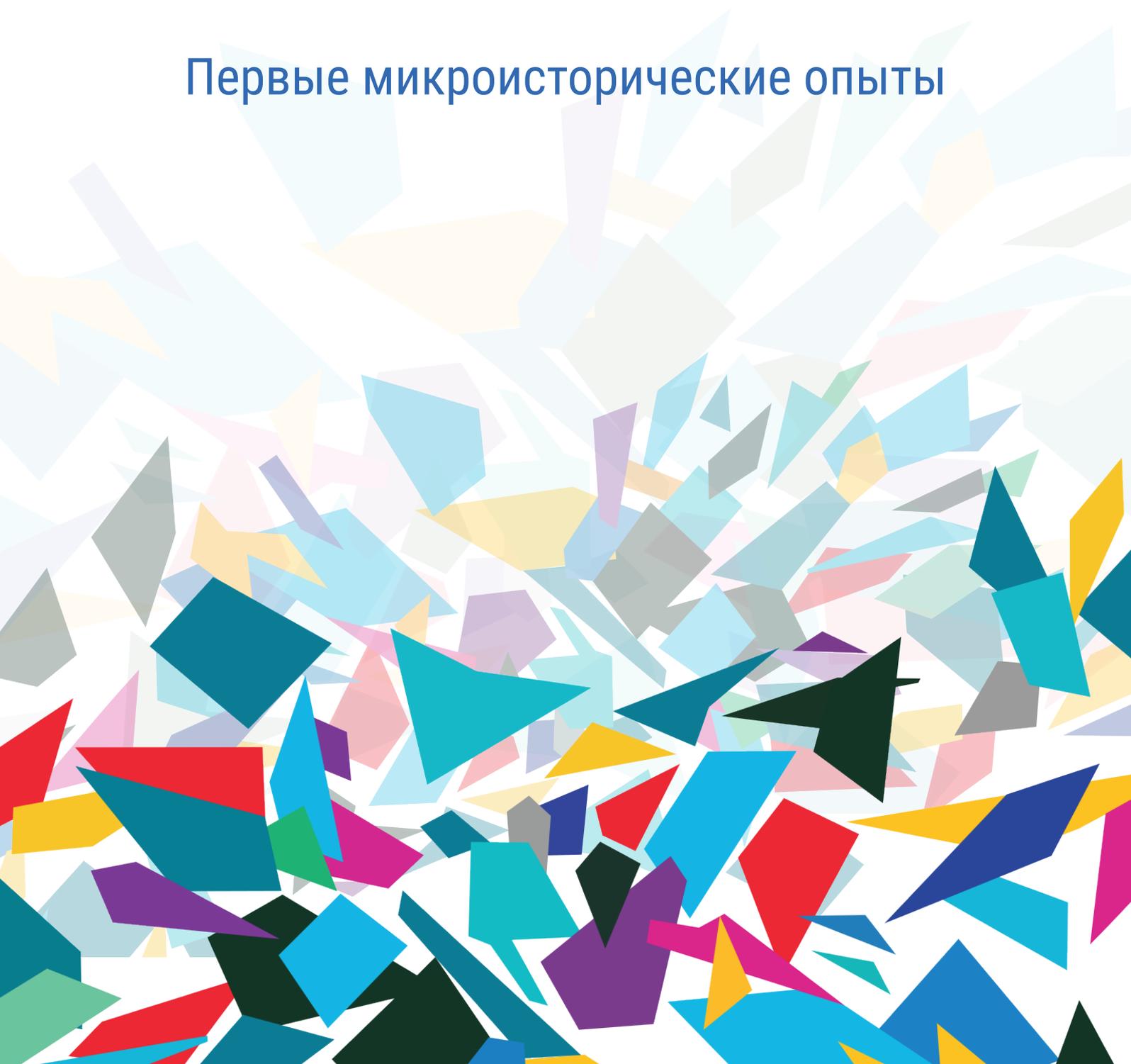

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Первые микроисторические опыты

Цель: изучить особенности развития микроистории в рамках современной российской историографии.

Известный историк Михаил Кром отмечает, что с микроисторией российская научная общественность познакомилась только в середине девяностых годов прошлого века, зато сразу обратилась к самым авторитетным источникам. Можно сказать, что знакомство началось с переводческой деятельности первоисточников. В короткий срок на русский язык были переведены программные статьи крупнейших теоретиков и практиков этого направления: К. Гинзбурга, Дж. Леви, Э. Гренди, Х. Медика, Ж. Ревеля.

По мнению исследователей, большая заслуга в популяризации микроанализа в исторических исследованиях принадлежит Ю. Л. Бессмертному и проводимому под его руководством в течение ряда лет, начиная с 1994 года, семинару по истории частной жизни в Институте всеобщей истории РАН. Творческое наследие Юрия Бессмертного условно можно разделить на три периода. Первый - 60 - 70-е годы. В центре его интересов - аграрные исследования на материале поместных и рентных описей XII - XIII вв. из междуречья Сены и Рейна. В том числе проблема перестройки средневековой деревни при развитии её рыночных отношений с городом, которая выражалась в распространении феодальной аренды и денежной ренты, эволюция серважа, изучение природы которого также входило в сферу интересов Бессмертного.

Поясним, серва́ж (с фр. *servage*, от *serf* (лат. *servus*) - раб) - вид феодальной зависимости крестьян средневековой Западной Европы. Он характеризовался личной связью серва (фр. *serf* - крепостной, от лат. *servus* - раб) с его сеньором и значительным ограничением личных и гражданских прав. При этом Бессмертный стал одним из инициаторов использования математических методов в исторических исследованиях.

Второй этап начинается с конца 70-х годов, внимание Бессмертного сместилось в сторону исследования исторической демографии. Ученым разработано понятие «новой демографической истории», подразумевающей изучение не столько статистических источников, сколько представлений людей той или иной эпохи о браке, сексе, рождении и смерти.

Третий этап - начало 90-х годов. Бессмертный расширяет границы изучаемой проблемы, стремясь к анализу частной жизни и повседневности Средневековья как таковой, системы ценностей и мировосприятия средневековых людей. Занимаясь проблемами микроистории, одной из магистральных тем «Одиссея», Бессмертный разрабатывает в её рамках каузальный подход, в рамках которого уделяется особое внимание уникальным случаям с конкретными людьми, ставшим темой «Казуса». Это стало причиной конфликта Бессмертного с Гуревичем, не согласным с возможностью изучения индивидуального применительно к средним векам и ухода Бессмертного из «Одиссея».

Ещё одной темой творчества Бессмертного было изучение истории средневекового рыцарства, о котором он опубликовал ряд статей, но так и не успел завершить специальное монографическое исследование.

По инициативе Ю. Л. Бессмертного и его коллег по семинару был основан альманах «Казус: Индивидуальное и уникальное в истории», по направлению близкий к микроистории, а в октябре 1998 года была проведена конференция о применении микро-и макроподходов к изучению прошлого.

Одной из актуальных методологических проблем был вопрос о том, как скоординировать изучение индивидуального и общего в истории представлений. Общеизвестно, что в последнее время российские и западные историки все больше обращаются к изучению индивидуального и неповторимого в истории. Если раньше историки стремились выявить нечто среднее, общее для всех в изучаемую эпоху, то теперь все больший интерес начинает вызывать неповторимое, девиантное, уникальное.

Наиболее ярко эта тенденция отразилась в статьях альманаха «Казус». Практически возникла новая «альтернативная история». Юрий Львович Бессмертный стоял у истоков развития этого нового направления. Одни из последних его статей носят такие названия, как «Казус Бертраана де Борна» или «Это странное ограбление».

Юрий Львович не изучал «казус» как нечто странное, случившееся в прошлом вне методологически осмысленной связи с общими функционирующими в обществе той поры явлениями. Напротив, задавал неразрешенные на данный момент вопросы и для сторонников «альтернативной истории» и для приверженцев традиционной истории вопрос, как сочетать изучение девиации и нормы.

По сути, в его последних работах есть попытка проанализировать семантическое поле уникального в средневековой Европе во взаимосвязи с суммой значений норм и стереотипов, функционирующих в ментальности людей той поры. Выявить поле напряжения между девиацией и нормой, то в какой степени индивидуальное могло себя проявить по отношению к стандарту.

В предисловии к коллективному труду «Человек в кругу семьи» Юрий Львович сформулировал эту проблему следующим образом: «...важно представлять пределы самодеятельности индивида в разные

эпохи и механизм формирования его решений, особенно тех, которые расходились с нормой. Именно взаимодействие стереотипного и индивидуального выступает сегодня, пожалуй, как самое интригующее при изучении истории общества” (цитата по Л. Андреевой)

«Знакомство со статьями, опубликованными в «Казусе» со времени его основания, а к настоящему моменту вышло 8 выпусков альманаха, позволяет говорить о формировании в отечественной историографии особого, «казусного», подхода или стиля. Его «приметами» являются повышенное внимание к особенному, уникальному, неожиданному, искусно выстроенное повествование, тщательная детализация сюжета и намеренный отказ от требуемых академической традицией обобщений и выводов. Можно ли считать этот подход одним из «вариантов» микроистории?»- задается вопросом М. Кром.

Впоследствии уже творческое наследие самого Юрия Львовича послужило поводом для обсуждения специфики русской «версии» микроистории, намеченной в его последних работах.

М. Кром напоминает нам, что десять лет назад американский исследователь Б. Грегори предложил различать две «версии» микроистории: «эпизодическую», единственным представителем которой он назвал К. Гинзбурга, и «систематическую», которую он охарактеризовал как новый способ изучения социальной истории. И вот что примечательно: то, что в терминологии Б. Грегори именуется «эпизодической микроисторией», очень похоже на «казусный» подход, получивший в последние годы распространение среди некоторых российских медиевистов и историков раннего Нового времени.

Не случайно и то, что К. Гинзбург во время своего пребывания в Москве осенью 2003 года, ознакомившись с «кредо» редколлегии «Казуса», опубликованным на обложке альманаха, согласился с первой частью этой мини-программы, в которой подчеркивалось внимание не к массовому, а к уникальному в истории, не к типичному, а к особенному и т. п. Однако он решительно дистанцировался от намерения редколлегии видеть в истории «не столько описываемое историком, сколько создаваемое им».

Гинзбург и раньше проводил демаркационную линию между микроисторией и постмодернизмом, в своем московском выступлении он назвал «идею о том, что историк может что-то создавать, неверной» и отверг подобные аргументы в пользу скептицизма.

Если бы итальянский историк познакомился поближе с работами, например, М. А. Бойцова (по ироничному замечанию Крома, скорее всего этому помешал языковой барьер), то он, возможно, увидел бы некое родство между собственным исследовательским подходом и приемами работы российского медиевиста.

Подобно Гинзбургу, М. А. Бойцов не только превосходный, по мнению критиков, стилист, мастерски создающий атмосферу диалога с читателем, еще он умеет внести интригу в свое повествование и сделать удивление, вызванное необычным поведением людей прошлых эпох, движущей силой исследования. Богатство интерпретаций и нелюбовь к заключительным, итоговым выводам дополняют сходство итальянского и русского микроисториков. Важно подчеркнуть, что для М. А. Бойцова «казусный» подход действительно играет роль исследовательского метода: таким путем ему удалось выяснить много важного и неожиданного в средневековом политическом символизме. Это наглядно можно увидеть в монографии М. А. Бойцова, где собраны все публиковавшиеся очерки.

«Казусный» подход по-иному, но столь же плодотворно использует Павел Юрьевич Уваров - советский и российский историк, специалист в области западноевропейской истории Средних веков и раннего Нового времени. С помощью серии «казусов» исследователь изучает одну из страт французского общества XVI века.

Однако «казусная», или «эпизодическая», согласно терминологии Б. Грегори, микроистория - это тонкая и трудная методика, она явно не поддается тиражированию. Далеко не все работы, опубликованные в альманахе «Казус» могут служить примером удачного использования микроисторического подхода.

Так, в статье А. В. Антощенко под названием «История одной профессорской ставки», опубликованной в журнале «Казус: индивидуальное и уникальное в истории», в 2004г. подробно излагаются обстоятельства, приведшие к отставке в 1901 году П. Г. Виноградова с должности профессора Московского университета.

Чтобы было понятно, Павел Гаврилович Виноградов (1854-1925) - русский историк-медиевист и правовед, ординарный профессор Императорского Московского университета.

Виноградов уже в студенческие годы интересовался социальными проблемами истории. В центре его научных интересов находились проблемы происхождения и развития западноевропейского феодализма, правовая и социальная история Средневековья.

Докторская диссертация П. Г. Виноградова, посвященная истории средневековой Англии - «Исследования по социальной истории Англии в средние века» (1887). В дальнейшем он продолжал исследования

проблемы происхождения английского феодализма, истории английского манора (феодалного поместья, хозяйственная единица). Изучая его сложную хозяйственную структуру и взаимоотношения с деревенской общиной, он пришел к выводу, что «история аграрных отношений не может быть объяснена из первоначального рабства и помещичьей власти. На ней ясно отразилось постепенное вырождение свободы». По признанию английских историков, Виноградов открыл им их собственную историю.

В его биографии есть факт, когда после Первой русской революции и студенческих волнений он вступил в конфликт с министром просвещения Ванновским, в декабре 1901 года и вынужден был подать в отставку и уехать в Англию.

Автор статьи А. В. Антощенко объясняет, что уход Виноградова был демонстративным протестом против двусмысленного положения, в котором находился тогда университетский профессор, являясь, с одной стороны, наставником студентов, а с другой - государственным чиновником, обязанным следовать указаниям министерского начальства.

Эта история, по мнению М. Крома, однако выглядит скорее как иллюстрация к давно высказанному тезису о мягко говоря неудачной политике правительства в отношении университетов на рубеже XIX-XX веков или как отрывок из биографии известного ученого П. Г. Виноградова. В данном случае детализация и ограничение масштаба анализа рамками одного события не приводят ни к какому эвристическому выводу. Вместо микроистории как метода исследования читателю предлагается искусно сделанная историческая миниатюра, - комментирует М. Кром.

И вот на что еще обращает внимание российский историк: возможно, что периодическое издание - не слишком подходящее место для публикации микроисторических штудий. Дело в том, что многие общепризнанные черты этого направления - особая нарративная техника, знакомство читателя с исследовательской «кухней» автора, максимально возможная детализация изложения, несколько «кругов» интерпретаций и т. п., - определяют тяготение микроистории к монографической форме. Рамки небольшой журнальной статьи обычно затрудняют адекватную презентацию микроисторического исследования.

Показательны примеры, помещенные в третьем выпуске «Казуса» под рубрикой «Микроисторические опыты» статьи О. И. Тогоевой (об уголовном регистре Шатле), О. Е. Кошелевой (о переписи Петербурга 1718 года) и Е. Н. Марасиновой (о сознании российской дворянской элиты рубежа XIX-XX веков) на проверку оказываются анонсами будущего исследования. Это первые две названные публикации и краткий отчет о проведенной работе - третья из перечисленных статей. «Сама же микроистория осталась где-то за рамками изложения», - сетует М. Кром.

Насколько можно судить по имеющимся публикациям, пока «казусный» подход не превратился в самостоятельный метод исследования в работах историков-русистов. Но, как будет показано позже, они с успехом осваивают техники, характерные для «систематической», как называет ее Б. Грегори, социальной микроистории.

Только лишь в 1999 году была опубликована первая монография, представленная авторами, Екатериной Ляминой и Натальей Самовер, как опыт микроисторического исследования. Книга посвящена биографии юноши из аристократической семьи, Иосифа Виельгорского (1817-1839) - адъютанта и камер-паж цесаревича Александра Николаевича, который воспитывался при императорском дворе вместе с наследником престола, будущим Александром II, и умер в возрасте 22 лет от чахотки.

По словам авторов, они стремились «возможно полнее воссоздать биографию» своего героя и «рассмотреть в уникальном черты типического, уловить в личной судьбе и личной трагедии то, что делает “бедного Жозефа” характерным представителем своего поколения».

М. Кром дает следующую оценку авторам первой монографии, как образец биографического жанра книга Е. Э. Ляминой и Н. В. Самовер действительно достойна всяческих похвал: благодаря сохранившимся дневникам и переписке молодого И. М. Виельгорского, а эти документы помещены в книге полностью и наравне с авторским текстом образуют важную композиционную часть исследования, авторам удалось показать внутренний мир своего героя, включая его самые сокровенные переживания.

«Однако в какой мере «бедный Жозеф» может считаться типичным представителем своего поколения?» - задает закономерный вопрос М. Кром. И сам же отвечает на него, скорее «можно говорить о его исключительности, принимая во внимание выпавшую ему возможность быть другом и соучеником наследника престола, глубину и разносторонность полученного им образования, а также черты характера и образ мыслей, мешавшие ему чувствовать себя своим человеком в светском обществе».

По ходу изложения авторы касаются многих важных сюжетов: отношений родителей и детей в аристократической среде, принципов тогдашнего воспитания, специфики отношения к монарху в высших

кругах дворянского общества и даже уровня развития медицины в ту эпоху. Однако ни один из этих сюжетов не разрабатывается в книге специально и подробно.

Иначе говоря, Е. Э. Лямина и Н. В. Самовер используют контекст эпохи для прояснения тех или иных эпизодов жизни своего героя вместо того чтобы, наоборот, с помощью биографии высветить дотоле не известные стороны тогдашней жизни.

Поэтому, вопреки намерению, заявленному авторами в предисловии, потенциал микроистории как метода раскрывается в книге далеко не полностью, - с сожалением выносит свой вердикт автор нашего учебника М. Кром.

«Микроистория как исследовательский подход более эффективно применяется в книге об иностранных рабочих московского Электростанции в 1920-1930-х годах., написанную С. В. Журавлевым,» - такую положительную оценку дает М. Кром автору книги. Сергей Журавлев очень удачно избрал ракурс для рассмотрения советской повседневности 20-30-х годов. Маленькая колония иностранцев, работавших в Москве, как в капле воды, отразила все тогдашние проблемы советской жизни: а именно жилищную, продовольственную, дисциплину труда и его мотивацию. При этом особенно важно, что эти проблемы увиденны как бы глазами иностранцев, т. е. удается приложить к явлениям той советской действительности современные им западные мерки.

Вместе с тем, анализируя сюжет этой книги, М. Кром подмечает еще одну важную деталь: жизнь иностранной колонии служит своего рода барометром открытости советского общества по отношению к внешнему миру. А также насколько действенны оказались лозунги пролетарского интернационализма о завершении наиболее трудного периода индустриализации, ведь реальность была совсем иной. Нарастала тенденция к изоляционизму СССР после 1933 года, что привело к тому, что иностранные рабочие перестали получать все блага социалистической жизни, возрастало давление и усиливались попытки принуждения к принятию советского гражданства. Такая ситуация усилило отток иностранной рабочей силы из страны, а в период репрессий 1937-1938 годов иностранная колония Электростанции прекратила свое существование. Вот такие познавательные и неизвестные доселе факты из советского прошлого стали нам доступны благодаря подобным исследованиям.

Лучшим, как считает М. Кром, примером микроисторического исследования, выполненного на российском материале, может служить книга Ольги Е. Кошелевой «Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени». Ограничение объекта исследования четкими пространственными и временными рамками - это «только» один городской остров, нынешняя Петроградская сторона, на протяжении всего пяти лет (1717 - 1722)) в сочетании с намерением изучить его «крупным планом», во всех подробностях безошибочно указывает на микроисторический характер работы. Применение не только качественных, но и количественных методов анализа, а в книге есть статистические подсчеты, таблицы и диаграммы, сближает ее не столько с итальянской, сколько с немецкой традицией микроистории.

Книга построена на многочисленных и разнообразных источниках, мастерски анализируемых автором. Это и материалы переписей с информацией о социальном и демографическом составе населения Санкт-Петербургского острова, благодаря которым некоторые наблюдения могут быть также экстраполированы на город в целом. Судебные акты, приказы и прочие документы позволяют судить о конфликтах и проблемах, волновавших горожан в ту эпоху.

Избранный масштаб наблюдения - а это микроанализ, а также множество источников, найденных историком, позволяют создать эффект повседневности. И нужно отметить, эта повседневность структурирована и наполнена смыслом, поскольку реконструкция жизни первых петербуржцев велась по тем линиям, которые «подсказывали» они сами. Все материалы и информация извлекались из сохранившихся жалоб, челобитных, прошений и иных документов, которые позволяли увидеть масштаб и остроту их забот и чаяний.

Подобно другим микроисторическим штудиям, монография Ольги Кошелевой вносит существенные коррективы в устоявшиеся схемы, знакомые нам из школьных и вузовских учебников, - так комментирует работу современницы М. Кром. И дает лестную оценку выводам, полученным ею в процессе монографического исследования. Говоря словами М. Крома, «весьма значимым представляется вывод исследовательницы о том, что система взаимоотношений и стратегий поведения простых петербуржцев «... осталась почти неизменной со времен Московской Руси, она была перенесена переведенцами на невские берега из своих родных городов и еще долго жила, переходя из всеобщей практики в ограниченную».

Большое впечатление на критиков и экспертов также произвели те страницы книги, где наглядно показаны непродуманность многих указов Петра, их несоответствие реальному положению дел того

времени и, как следствие, непредвиденные результаты его политики, повлиявшие на положение жителей Санкт-Петербургского острова.

Таким образом, нам был представлен весьма подробный обзор исследовательских работ современных российских ученых, занимающихся микроисторией, либо делавших попытки проводить такие исследования с использованием такого метода как микроанализ. Разумеется, не все работы, по мнению автора нашего учебника, претендуют на высокий уровень, не случайно он назвал раздел «первые микроскопические опыты». Но тем не менее, развитию этого направления в рамках российской исторической антропологии способствовала большая переводческая работа произведений известных зарубежных авторов-классиков этого направления и, конечно же, работа такой уникальной площадки, где разворачивались научные дискуссии, как альманах «Казус: индивидуальное и уникальное».

Основные термины

Эпизодическая и систематическая микроистория, «казусный» подход, микроисторические штудии.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Кром М. М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2003.
2. Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. - М., 2004.
3. Прошлое - крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Европейский университет в СПб.; Алетейя, 2003. 268 с.
4. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. 376 с.
5. Бессмертный Ю.Л. Историческая антропология сегодня: французский опыт и российская историографическая ситуация // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докл. и сообщ. науч. конф. М., 1998.